

Если честно, в детстве мы с Сьюй Вэйюем не ощущали никакой особой любви друг к другу и лишь периодически вместе возвращались домой. В то время наши дома находились не так уж и далеко друг от друга, а потому мы прощались, пройдя всего сто метров от ворот школы. Этим и ограничивалось наше общение.

Время шло, и мы оказывались то в одном классе, то просто в одной школе, а то и вообще в разных школах, как, например, в период обучения в средних классах.

Тогда Сьюй Вэйюй не казался мне особенным, он лишь был несколько ближе ко мне, чем другие.

В старших классах Сьюй Вэйюй сообщил мне о предстоящем выезде за границу. От этой новости мне взгрустнулось, но, с другой стороны, я понимала, что ничего не смогу с этим поделать, а значит, мне оставалось отпустить друга детства.

Как мне тогда казалось, грустнее всего пришлось именно Сьюй Вэйюю, ведь я не смогла ни заранее попрощаться с ним, ни проводить его в день вылета.

Как бы то ни было, друг покинул страну.

Как-то раз мы с братишкой пошли в караоке. По неизвестной причине посреди песни к моим глазам подступили слёзы. Возможно, так на меня повлияли мысли о резкой разлуке с другом, который вырос вместе со мной.

В детские годы Сьюй Вэйюй изучал игру на скрипке, а я постигала рисование. Может, результаты у нас обоих и были сомнительные, на фоне физической слабости друга умение хоть как-то играть на скрипке представлялось более значимым, чем мои каракули.

Перед каждым звонком из-за границы Сьюй Вэйюй сперва обязательно оплачивал за меня международные переговоры, о чём и сообщал, только дозвонившись, чтобы обеспечить нам спокойную, неспешную беседу.

Меня окружали всё те же знакомые места, дороги, друзья и родные; тихоня Сьюй же, напротив, оказался в совершенно чужой обстановке. Как мне виделось, ему было одиноко.

Слова юноши о том, как он скучает по мне, растрогали меня до боли: очень тоскливое ощущение.

Однажды я отправилась в гости к Ланьлань.

Неподалёку от её дома находился целый район, в котором производили скрипки, так сказать, скрипичный городок.

Проходя мимо витрин, уставленных скрипками, я вспоминала о мальчишке и ещё больше скучала по нему.

Помню, как, будучи ребёнком, Суй Вэйюй таскал свою скрипочку на уроки музыки. Проходя мимо кабинета, в котором я училась рисованию, он непременно заглядывал в помещение и, приветственно поднимая смычок, давал понять, что тоже идёт на занятие.

Итак, я изъявила желание приобрести скрипку, и мы с Ланьлань зашли в один из магазинов.

Ланьлань попробовала возразить, ссылаясь на наше неумение играть и ожидаемые возмущения соседей фальшивостью исполнения, но я всё-таки купила инструмент и поставила его у себя дома в качестве украшения.

Мне говорили, что я холодно отношусь к Суй Вэйюю. В действительности же, я очень по нему тосковала.

По стечению обстоятельств за границу выехали и родители, и братишка, и друг. Я осталась жить одна на целых семь лет. Хотя мать иногда навещала меня, мне всё равно было ужасно одиноко. Мне с трудом удавалось понять, что такого притягательного в загранице, если туда отправились все, кто мне близок.

Облегчение принесли четыре года учёбы в университете. За те годы я познакомилась с удивительными девушками, которые впоследствии стали моими лучшими подругами на всю жизнь.

В один из дней мы с Ланьлань выбрались на пляж.

Перекусив в пляжном ларьке, мы прогуливались по песку, как вдруг заметили разведённый прямо на песчаном покрове костёр, вокруг которого собралась группа отдыхающих. Среди них был и мальчишка, а если быть точнее, юноша, игравший на скрипке для своей девушки. Собравшиеся одобрительно выкрикивали: «Выходи за него!»

Эта сцена вновь навевала тоску по моему скрипачу.

Спустя время Суй Вэйюй таки вернулся, а ещё через два года сделал мне предложение. Я согласилась.

Казалось, мы наконец-то пробежали очень длинный марафон. Как бы тяжело нам ни было в пути, мы всё же добрались до финиша.